

Н. В. ПОНЫРКО

Выговское силлабическое стихотворство

Выговская литературная школа породила целый ряд стихотворцев. Не все имена их известны. Но основной круг выговской поэтической продукции выделяется довольно определенно.

Частично стихи поморских авторов были изданы В. И. Срезневским и Т. С. Рождественским.¹ В. И. Малышеву принадлежит публикация стиха о выго-лексинских девицах.² Дж. Салливан и Ч. Дрейч опубликовали вирши Семена Денисова к «Винограду Российскому».³ Несколько образцов выговской силлабики приводит А. М. Панченко в книге «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.».⁴

Замечено, что выго-лексинская поэзия примечательна своим синтетическим (определение А. М. Панченко) характером. В ней одновременно уживались и силлабический, и народный стих.

Причины этого надо искать в особенностях выговской культуры в целом. Выговцы создавали заново, как бы на пустом месте, свою организацию. «Неправедной» вере, а вместе с ней и культуре в целом они противопоставляли собственную культуру, которую понимали как сохранение старых традиций. Организовав своего рода государство в государстве, поморские старообрядцы воссоздали у себя значительную часть культурных институтов, существовавших в России конца XVII в.: церковное устройство и литературу, иконописание, певческое искусство, систему образования. Словесность при этом призвана была удовлетворить в довольно короткий срок все сферы, в ней нуждающиеся: литургику (службы новым святым и чудотворцам), право (уставы поморского общежития) и чисто литературную. Перед выговскими писателями был как бы срез литературной культуры, в котором запечатлелись все накопившиеся к концу XVII в. разновидности словесного творчества. Одни из них (такие, как литургический и житийный жанры) сложились давно и были традиционны, другие возникли сравнительно недавно (силлабическая поэзия) и от них веяло новизной; одни обслуживали потребность в «высокой» литературе, другие создавались в народной среде и служили демократическим вкусам.

¹ Материалы к истории и изучению сектанства и раскола, вып. I. Под ред. В. Бонч-Бруевича. СПб., 1908, стр. 291—300; Т. С. Рождественский. Памятники старообрядческой поэзии. — Записки Московского археологического института, т. VI, М., 1910.

² В. И. Малышев. Стих о заонежских девицах. — ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 435—437.

³ J. Sullivan and C. Z. Drage. Poems in an Unpublished Manuscript of the Vinograd Rossiiskii. Oxford slavonic papers, 1968, vol. I, pp. 27—48.

⁴ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, стр. 300—306.

Весь этот набор жанров в целом тщательно копировался выговцами. Своеобразие усиливалось еще и тем, что культура Выга оставалась в первую очередь крестьянской культурой. Демократизм и народное начало, характеризующие старообрядчество XVIII в., превратили выговскую литературу в не претворявшееся доселе в пределах одной школы тесное соединение двух направлений словесности — фольклора и литературы.

В сфере поэзии все эти условия привели к тому, что среди писателей выговской школы были и авторы литургических гимнов, и силлабисты, и создатели стихов, подчиненных фольклорным законам.

При традиционной апелляции старообрядчества к древнерусской «дониконовской» книжности естественно было бы ожидать от выговской школы неприятия метода силлабиков.

Однако в отличие от раннего старообрядчества эстетические кредо силлабиков и выго-лексинских писателей мало разнятся между собой, тем более что силлабическое стихотворство само по себе не отвергалось и первым поколением старообрядцев.⁵

Монастырский уклад жизни, господство духовного элемента, сословные корни некоторой части выговцев, их просветительские тенденции, противление петровской культуре — все это сближало писательский тип, утвердившийся на Выгу, с тем типом, который развился в русской литературе второй половины XVII в.

Насколько яростно отталкивались поморцы от своих противников в области идейной, настолько тесно примыкали к ним в литературной сфере (имеется в виду литературная форма и эстетические взгляды).

Андрей Денисов, перу которого принадлежит «обличение на книжицу Стефана Яворского об антихристе», спокойно наблюдал, как стихи того же Стефана Яворского «Взираи с прилежанием, тленной человек», помещались в многочисленных сборниках по соседству с его собственными стихами. А вирши о царевиче Иоасафе, принадлежащие автору антистарообрядческого «Жезла правления» Симеону Полоцкому, переписывались из рукописи в рукопись лексинскими «трудницами».

Своеобразная ирония истории заключается в том, что лиц, которых старообрядческие деятели считали первейшими своими противниками в области догматики и богословия, они одновременно могли бы назвать своими главными литературными учителями.

О школьном характере выговской литературы следует говорить особо. Здесь заметим только, что школьным было и стихотворство.

Выг оказался местом, где более длительное время смог сохраниться тот тип литературной продукции, который уничтожила Петровская эпоха.

Начало более или менее регулярных литературных занятий на Выгу следует отнести к концу 10-х годов XVIII в. Среди поморских писателей того времени особенно выделяется Семен Денисов. Центральные его произведения «Виноград Российский» и «История об отцах и страдальцах соловецких» сделали не только самым популярным чтением в старообрядчестве, но и основным источником позднейшей литературы, компилятивной по своему характеру.

Важно отметить, что Семен Денисов, несмотря на известные заслуги на поприще настоятельства, осознавался в старообрядческой среде по преимуществу как писатель.⁶

⁵ Об отношении Аввакума и Авраамия к «виршам» см.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973, стр. 97—98.

⁶ Ср. характеристики Семена Денисова в службе, ему посвященной (БАН, собр. Дружинина, № 65), и надгробном слове (БАН, собр. Дружинина, № 114).

Выговская традиция связывает начало литературной деятельности Семена с пребыванием его в заточении в Новгороде. В 1712 г. младший из братьев Денисовых был арестован новгородским митрополитом Иовом. Около четырех лет Семен Денисов сопротивлялся бурным усилиям митрополита обратить своего узника в ортодоксальное православие. В ходе единоборства (противники даже совершили совместное путешествие в Петербург, куда Иов возил Семена для увещания в Синоде⁷) родился новый талантливый писатель. Об этом свидетельствуют три послания Семена Денисова к митрополиту Иову, написанных им в заточении.⁸ Если верить старообрядческой традиции, отвечать на послания было поручено Иоанникию Лихуду, находившемуся тогда в Новгороде.⁹

Примечательно, что, оказавшись на свободе, Семен Денисов захотел уединиться от мира и несколько лет провел, читая книги, изучая риторику и грамматику.¹⁰

Нет сомнения, что пребывание в Новгороде явилось значительным импульсом к литературным упражнениям Семена Денисова. Митрополит Иов, Иоанникий Лихуд принадлежали к известному писательскому кругу, отодвинутому петровским временем на задний план. Семен имел длительную, хотя и не совсем счастливую, возможность личного общения и полемики с ними. Известно, что именно в 1712 г. в Новгороде находился Карион Истомир.¹¹ Учитывая его опыт и пристрастие к раскольничьим делам, а также близость к Иову и Иоанникию (Карион был учеником Лихудов в Москве), можно предположить, что и он не остался в стороне от увещания упрямого «раскольщика». А если так, то Семену Денисову во время его новгородского заточения была представлена в совокупности целая группа писателей, принадлежащих школе XVII в.

Денисов старший, вообще много путешествовавший, имел возможность пополнять свою литературную образованность как в Москве, так и в Петербурге. Общеизвестно указание старообрядческих источников на то, что в 1718 г. им был прослушан курс риторики в Киевской академии.

Принадлежащие Андрею Денисову вирши «Увеселение есть юноши премудрость» обнаруживают в их авторе хорошее владение силлабическим искусством. К сожалению, пока это единственный известный образец стихотворных опытов Андрея.¹²

Силлабические стихи Семена Денисова представлены его виршами к «Винограду Российскому» и «Истории об отцах и страдальцах соловецких». Поскольку стихи к «Истории об отцах и страдальцах соловецких» еще не были опубликованы, позволю себе привести их здесь полностью.¹³ Речь идет о переговорах большого царя Алексея Михайловича с патриархом Иоакимом о помиловании соловецких монахов.

⁷ Иван Филиппов. История Выговской пустыни. СПб., 1862, стр. 148.

⁸ Е. В. Барсов. Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в. — Труды Киевской духовной академии, 1866, февраль, стр. 192—196.

⁹ Иван Филиппов. История Выговской пустыни, стр. 148.

¹⁰ Гр. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — Братское слово, М., 1888, № 6, стр. 403.

¹¹ М. Сменцовский. Братья Лихуды. М., 1899, стр. 352.

¹² Указание В. Г. Дружинина на принадлежность Андрею Денисову стихов «на озлобление кафоликов» и «Российскому орлу» (В. Г. Дружинин. Словесные науки в Выговской поморской пустыне. СПб., 1911, стр. 22) не находит подтверждения в источниках.

¹³ Орывок опубликован Е. В. Барсовым в статье «Семен Денисов Вторушин, предводитель русского раскола XVIII в.» (Труды Киевской духовной академии, 1866, декабрь, стр. 587).

Патриарх ожесточися паче камене,
 не смотряше царевы болезни пламени,
 Увери царя милость ко отцем отложить,
 хотя место святое кровию облити.
 Царь, елико патриарху покаряшися,
 толико лютеиши болезнь умножашися,
 И толико болезни зеленое терпяше,
 едва-едва и отдыхати можаше.
 Виде тогда государь своего пастыря,
 не давающа целительнаго пластыря,
 Но здравию его содевающа спону,
 от нея же утлachtetся путь смертному гробу.¹⁴

Ко второй четверти XVIII в. в Выговском общежителстве была уже группа писателей, пробовавших свои силы в силлабике. О том, что круг выговских стихотворцев не ограничивался Андреем и Семеном Денисовыми, свидетельствует наличие анонимных вирш, посвященных братьям, а стало быть — не принадлежащих их перу.

Несмотря на сильно ощутимый школьный характер, а, может быть, даже вследствие его, выговская силлабика довольно широко манипулировала различными жанрами. Среди них были и наставление отроку, и послания, и панегирики, и надгробные стихи, и стихи, посвященные церковным праздникам, т. е. большая часть из набора жанров, накопившихся к тому времени в русском стихотворстве.

Мы можем указать на два примера стихотворной эпистолографии. В сборнике ГПБ, О.ХV.15,¹⁵ представляющем собой выговскую антологию речей «на случай» (его заглавие: «От приветственных неких писаний и виршей сие изнесено, да во многих годственных речех будет употреблено»), находится два силлабических послания. Первое из них посвящено некоему Илию Семеновичу, что устанавливается с помощью акrostиха «Честнейшему господину Илию Семеновичу, здравствуй». Автора послания установить не удастся. Но в личности адресата можно почти не сомневаться. Очевидно, имеется в виду Гаврила, в переименовании Илию, Семенов, один из поморских руководителей, подвизавшийся долгое время в Сибири и игравший роль посредника между Демидовыми и Выговским общежителством.¹⁶

Второе послание направлено некоему М. И., близкому, судя по содержанию, ко двору. Имя его не называется, но по принятому в поморской письменности обыкновению указываются инициалы.

Культивировался в выговской школе и жанр «приветственных писаний».

В сборнике БАН собрания Дружинина № 114 (старый номер 145), почерк которого В. Г. Дружинин атрибутировал Мануилу Петрову,¹⁷ на-

¹⁴ История об отцах и страдальцах соловецких. Супрасль, 1788, л. 71—71 об.

¹⁵ ГПБ, О.ХV.15, 8^о, филигрань; герб Амстердама (по просматривающемуся незначительному фрагменту идентифицировать с известным не удалось), скоропись первой половины XVIII в., 146 лл.

¹⁶ Это подтверждается как содержанием вирш (об адресате говорится: «далечайши местом отстоящ»), так и их окружением. Стихам предшествует прозаическое послание в дальние края к некоему благодетелю, при этом упоминается «помощник» выговских наставников и их «сиротский снабдитель», живущий «при благости» сановного покровителя, который «помощника» «по своей господской милости жалует». Без сомнения, прозаическое послание направлено Демидову, а речь в нем идет о Гавриле — Илию Семенове. Помимо виршевого послания, сборник содержит два прозаических послания Гавриле Семенову от Семена Денисова.

¹⁷ В. Г. Дружинин, Несколько автографов писателей-старобрядцев. СПб., 1915, стр. 12.

ходятся неопубликованные вирши на день тезоименитства Семена Денисова.

Не исключено, что их автором был сам Мануил Петров. Во всяком случае, исполненный достоинства тон приветствия обнаруживает в авторе человека, близкого к верхушке, которому пристало судить о положении дел в монастыре, что он и делает, соединяя поздравление с наставлением.

Жанр надгробных слов, поминаний, плачей был очень популярен среди поморских авторов. Силлабикой он также не был обойден. Известны вирши — плач на смерть Андрея Денисова «Печальный терн мене убодает» с акростихом: «Печаль сокрушает мя» и стихи, посвященные смерти Семена Денисова, содержащие акростих «Трофим плачет и Козьма скорбит от жалости сердца».¹⁸

До сих пор плач об Андрее Денисове «Печальный терн мене убодает» был опубликован лишь в кратком варианте. Приведем два списка, где этот плач пространно продолжен и снабжен следующим заглавием: «Стих печаль поет постница Марина, отцеви плач глашает зде едина».¹⁹ Думаю, что постница Марина — реальное лицо. Старица Марина, в миру Марфа Лукина, была келейницей Андрея Денисова.²⁰

Вирши, продолжающие краткий вариант плача, не продолжают, однако, акростиха. В этом нет ничего необычного. Примеры акростиха, распространяющегося только на часть произведения, известны и в более раннем стихотворстве. Но в нашем случае акростих отсек часть плача и позволил ему существовать самостоятельно в рукописной традиции. Впрочем, могло быть и наоборот — последующая часть приписана к краткому варианту. Для установления соотношения краткого и пространного вариантов плача требуются дополнительные сведения, которыми мы не располагаем.

Один из старейших силлабических жанров — предисловие, обращение к читателю — также находим в выговском стихотворстве. Опыт стихотворного предисловия принадлежит Михаилу Вышатину, известному выговскому посланцу в Палестину.²¹ Его трактат «Бисер драгоценный» (1729 г.) содержит обширное стихотворное обращение к читателю, сохраняющее следы зависимости от предисловия «Книги о вере».

Книга о вере

Всякаго чина православный читателю,
господу богу благодарение воздай яко благодателю,
Яко сподоби нас в последок летом
познати волю его со благим ответом.
В сие время лютое и плача достойное
ужасается, сие зря, сердце богобойное,
Яких много супостатов и хищных волков,
бесовских наваждений, еретических полков.²²

¹⁸ Материалы к истории и изучению сектантства и раскола, стр. 293, 295; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв., стр. 304—306.

¹⁹ БАН, Собр. Дружинина, № 850, лл. 108—112 об.; № 199, лл. 173—177 об.

²⁰ Гр. Яковлев. Извещение праведное о расколе беспоповщины. — Братское слово, М., 1888, № 7, стр. 473.

²¹ Михаил Вышати́н, бывший вязниковский подьячий, долгое время жил в одном из скитов Выговского общежительства. В самом начале 30-х годов, в разгар беспоповских поисков священства, он по инициативе Андрея Денисова предпринял путешествие в Палестину в поисках старообрядческого епископа. О Михаиле Вышатине известно также, что он жил некоторое время в Польше и Молдавии (П. С. Смирнов. Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908, стр. 13).

²² Книга о вере. М., 1648, л. 7.

Бисер драгоценный

Всякаго чина православный читателю,
 господу богу благодарение воздай яко благодателю,
 Яко сподоби на последок летом
 познати волю его со благим ответом.
 Бог, не имеяй начала и конца,
 той видимая и невидимая созда,
 Той землю и яже на ней сотвори,
 и человекови та вся покори.²³

В обращении к виршам «Книги о вере» Михаил Вышатин идет по стопам другого старообрядческого писателя, инока Авраамия, который заимствовал вирши, почти не изменяя, для предисловия к своему «Христианоопасному щиту веры».²⁴

На вопрос, не был ли источником Михаила Вышати́на «Христианоопасный щит веры», легко ответить отрицательно, так как предисловие Авраамия, хоть и повторяет почти без вариантов текст «Книги о вере», не имеет двух его завершающих строк, в то время как Михаил Вышатин использует именно эти строки.

Книга о вере

Вечный и всеильный боже всякая благодати,
 благоволи нам, недостойным, сие даровати,
 Да правоверие светло распространится на многая лета,
 да не оскудеет истина твоя до скончания света.
 В день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
 и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.²⁵

Текст Михаила Вышати́на

Вечный и всеильный боже всякая благодати,
 благоволи нам, недостойным, сие даровати,
 Да правоверие светло распространится,
 зловерие же всяко вечно да посрамится.
 Православное предание да пребывает на многая лета,
 да не оскудеет истина твоя до скончания света,
 в день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
 и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.²⁶

Между первыми и заключительными строками предисловия, выдающимися заимствованием, Михаил Вышатин помещает текст по преимуществу самостоятельный, развивающий сугубо старообрядческие мотивы о Никоне и «отступлении». Всего предисловие «Бисера драгоценного» насчитывает 112 стихов, в «Книге о вере» их 30.

Строки «Книги о вере» выглядят в тексте Михаила Вышати́на редкими вкраплениями, нимало не нарушающими строение стиха, поскольку самая неравносложная форма вирш была ими же и задана.

Без сомнения, обращению Михаила Вышати́на к «Книге о вере» способствовала избранная им тема, в которой рассуждения о вере и борьбе с еретиками занимают главное место. «Бисер драгоценный» был старообрядческой вариацией на тему «Книги о вере». Неудивительно, что при этом оказались воспринятыми структура ее и текст.

В «Бисере драгоценном» имеется второе стихотворное предисловие:

Вас же, возлюблени, молю, не на лице зрите,
 не, кто начерта, вы того судите,
 Но что написа и како вещает,

²³ ГПБ, О.1.275, л. 35.

²⁴ А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века, стр. 98—99.

²⁵ Книга о вере, л. 7 об.

²⁶ ИРЛИ, колл. Перетца, № 452, л. 18 об.

истинно ли глагол утверждает.
Тем же не кто, но что начну писати,
благочестивым всяко предлежи внимати.²⁷

Этому краткому предисловию как бы симметрично стихотворное заключение в духе традиционной книжности:

Любезнейший мой читатель,
буди о бозе подражатель,
Аще в сем есть кая погрешения,
прошу о всем прощения,
Сам исправи любезно,
да чтущим всем будет полезно.²⁸

Трудно судить о степени оригинальности данных текстов. Если и существовало сочинение, под влиянием которого они возникли, нам оно осталось неизвестным.

Силлабическая поэзия была в Выгореции делом привычным и свободно входила в литературный обиход. Риторические «слова» выговских авторов содержат в себе виршевые вкрапления. При этом вирши, вводимые в прозаический текст, могут как принадлежать самому автору, так и представлять собой цитату. В слове на текст «Яко время прекращено есть» Семен Денисов, говоря о бренности земной жизни, влетает в свое сочинение стихотворные цитаты:

Тожде и премудрый стихотворец, витийствуя, глаголет:
Красото добрократно подшедши под лета,
малее и своего лишается цвета.

И паки:

Сей луч, иже на юных ланитах блистает,
единым мгновением и вдруг исчезает.

Другой стихотворец представляет, глаголя:
Часы плывут, в которых скоро стареемся,
дни бегут, удержати их не надеемся.²⁹

Далее Семен Денисов приводит еще несколько стихотворных цитат и завершает прозаическое слово виршами собственного сочинения:

О коль есть кратко многоплачевного жития нашего время,
толь налагающее на ны претяжкое и несносное бремя.
О тако скоролетящая дней наших лета,
такое быстро приводящая ны от настоящего света.³⁰

Кому принадлежат цитируемые стихи, мне, к сожалению, установить не удалось. Но и без этого факт цитирования важен как знак внимания автора к литературной продукции своего времени (под «премудрым стихотворцем» вряд ли имеется в виду выговский писатель).

Нетрудно заметить, что в своей ориентации на стихотворство XVII в. выговская школа повторяет не самый поздний этап русской силлабики. Скорее это обращение к середине XVII века. Это сказывается и в том, что А. М. Панченко называет «давлением прозы», и в преобладании неравносложных вирш, и в той односторонности, которая сопровождает бесспорную разветвленность жанровой системы: многообразие жанров можно отметить только в пределах школы, но не в творчестве одного автора.

²⁷ ГПБ, О.1.275, лл. 2 об.—3.

²⁸ Там же, л. 334 об.

²⁹ ГПБ, Q.XVII.200, лл. 23 об.—24.

³⁰ Там же, л. 26 об.

Очевидно, в этом проявилось свойство всякой системы школьного характера — повторять более ранние этапы творчества, уже пройденные «учителем».

Не следует только забывать, что наши заключения определяются объемом введенного в научный оборот материала. А в этой области сделано еще далеко не все. Новонайденные произведения, возможно, смогут дополнить или изменить картину выговского стихотворства.

Ниже публикуется несколько выговских силлабических сочинений. Бóльшая их часть написана в первой половине XVIII в.³¹

До нас дошли вирши и более позднего происхождения: такие, как обращение к пустыни («О пустыни, место выгорецко, селение вселюбезно отецко»), приветствие отцу Матфею, поздравление Андрею Борису.³²

Однако позднее выговское стихотворство следует поставить в особый культурный ряд.

Хронология деятельности выговской школы определяется временем существования Выго-лексинской пустыни. Реально это XVIII век, так как первые десятилетия XIX в. (до «выгонки» пустыни в 1836 г.) в счет уже не идут по причине явного захирения монастыря. Но живое ядро литературной школы, ее творческий период относится к первой половине XVIII в. Далее идет традиция, ориентирующаяся на уже сложившиеся формы.

В традиционности первого поколения поморских писателей была другая система отсчета, она имела своим образцом общерусскую современную литературу (отставание было сравнительно небольшим, в пределах одного поколения). Нельзя усомниться в том, что как писатели Димитрий Ростовский и братья Денисовы говорили на одном языке; также нельзя предположить, что выговские силлабические стихи могли показаться в принципе чем-то архаическим или чужеродным силлабистам Стефану Яворскому и Феофилакту Лопатинскому.

Выговская литература была непосредственной преемницей школы XVII в., и в той мере, в какой она была современницей данной школы, ее приемы можно считать общерусскими, тем более что литературный вкус России первой, по крайней мере, четверти XVIII в. мало чем отличался от литературного вкуса той среды, которой было адресовано творчество поморских писателей.

Культурный фон, на котором предстают поздние выговские писатели, никак не соответствовал положению в начале века. Выговцы продолжали создавать силлабические вирши в то время, когда уже и первые силлаботонические опыты воспринимались как архаика.

Если бы Гавриле Романовичу Державину попались в руки силлабические стихи выговского автора на день «тезоименитства отца Матфея» (что само по себе не так уж невероятно: прославленный одописец, как известно, некоторое время был олонецким губернатором), он вряд ли поставил бы их на одну доску с собственным творчеством.

К концу XVIII в. между выговской и общерусской литературой лежала пропасть.

Ниже приводятся неопубликованные выговские стихи, подготовленные по правилам публикации текстов, принятым в ТОДРЛ.

³¹ Плач о Андрее Денисове — 1730 г., год смерти Андрея Денисова; приветствие Семену Денисову — до 1741 г., года смерти Семена Денисова; послание Гавриле — Илию Семенову — до 1751 г., года смерти Гаврилы Семенова; предисловие к «Бисеру драгоценному» — 1729 г.

³² БАН, собр. Дружинина, № 457, лл. 78—79 об.; ИРЛИ, Усть-Цилемское собр. № 117, лл. 48—50 об.; ГПБ, Q.XVII.53, л. 20—20 об.

Текст плача об Андрее Денисове публикуется по рукописи БАН, собр. Дружинина, № 199, сборник духовных стихов на крюках, XVIII в., 8°, 202 л.; приветствие Семену Денисову — БАН, собр. Дружинина, № 114, сборник старообрядческий, XVIII в., 4°, 70 л.; послание Гавриле Семёнову и послание М. И. — ГПБ, О.ХV.15, XVIII в., 8°, 144 л.; предисловие Михаила Вышати́на к «Бисеру драгоценному» — ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 452, формат — усеченная четверка, XVIII в., 157 л.; «Рифмы воспоминательные» о Петре Прокопьеве публикуются по рукописи ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 103, сборник духовных стихов на крюках, XVIII в., 4°, 11 л. Кроме того, нам известны еще два списка «Рифм» (ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 104, сборник XVIII в., 8°, лл. 56 об.—57 и № 111, сборник XVIII в., 8°, лл. 95 об.—96 об.), во всем идентичные публикуемому.

Плач об Андрее Денисове

Основной текст: БАН, собр. Дружинина, № 199, лл. 173—177 об.
Разночтения: БАН, собр. Дружинина, № 850.

Стих печаль поет постница Марина,
отцеви плачь глашает¹ зде едина.

Печальный терн мене убодает,
еже око мое не зрит, что желает.
Чаяние от мене удалися,
ах, цвет моея жизни сокрыся.
Лишихся аз сокровища предрага,
се моея жалости отрада нимала.
Обители исполнены плачевна клича,
как же аз буду едина без плача.
Радость церковна перстию покрыся,
утеха пустынна в гробе держится.
Возгарает² искра во гнезде моего сердца,
Андрея не вижду пустынноводца.
Едина днесь в печали пребываю,
тебе, сладчайша света, поминаю.
Мне отсюду никогда да буди радость,
яко остави нас христианска сладость.
Слезны капли текут ми безпрестани,
гласу слова хлипают органи.
Распаляюсь в жалости, въздыхая,
горка стенания испущая.
Очи мои не хотят зрети, что на свете
минует,³ что родится дивно в лете.
Не уследят моея печальной думы
различны птицам веселья⁴ шумы.
И светская какаы бы утеха
одолееть не может досадна спеха.⁵
Ты сладкая моя память и всечастна
радость, возжеленна⁶ и всекрасна,
Лежат в мыслях мне твоя дивны саны,
теми даеши неврачебны раны.
Осердие приемлю плача слезна,
дальнаго рыдания бесполезна,

¹ Глаголет.
ладна.

² Шаёт.

³ минуют.

⁴ весенныя.

⁵ поспеха.

⁶ возже-

Воспомяна ты, пламень сожигает,
 угли желаня распалает.
 Мы ^а ⁷ несчастья сего не забудем,
 горькаго терпеня не избудем.
 Зане ныне радости есмы пусты,
 мраки нашея печали прегусты.
 О коль места она и храмы темны,
 стоят же седалища помрачены,
 По них же являшеса драгоценный,
 ах, уже не ходит там вожденный.
 Глас медоточен не падает в слуха,
 горесть разделяем плачевнаго духа.
 И ⁸ множат храмы скуку пустотою
 и суть преполни нашею бедою.
 Не сладка предо мною и трапеза,
 ибо ⁹ не есть прежеланна беседа.
 И ¹⁰ ина вся ¹¹ смешаема с полынем
 и ¹² зряся, и суть предо мною ныне.
 Ты, печальным ожидаемая радость,
 господи царю, огорченным сладость,
 И ты утеши мя и днесь и вечно,
 награди щедротами бесконечно,
 Подаждь милость желаням таковым,
 благодать проливая нам во веки. Аминь.

Приветствие Семену Денисову в день его именин

БАН, собр. Дружинина, № 114, лл. 50—51.

Премилостивый отче, мужу преблажайший,
 светлый имянинче, уме высочайший

Симеоне Дионисьевичь.

Преподобнаго отца | вси днесь величаем,
 Угодника Христова | хвалами венчаем,
 Симеона чуднаго, | житием велика,
 преславно обретшаго | славу святых лика,
 Иже, на столп возшедый, | дивно подвизася,
 идола победь, | светло увенчася,
 Иже аггельскую жизнь | во плоти живяше
 и бесовския полки | храбро побеждаше,
 Иже смирением си | чудно вознесеса,
 и добродетелию | светло увязеса,
 Иже землю оставь, | в небо водворися
 и аггельску собору | присовокупися.
 Его же земля с небом | хвалами венчаша,
 славит греческа область | и вся страна наша.
 Праведник убо умерший | в век жив пребывает,
 от человек отлучен | в бозе обитает.
 Память его похвальна | и имя почтено,
 святое же житие | везде оглашено.
 Аще и в небе живет, | но и в мире славен,
 велик пред человеки | и аггелом равен.

^а Испр.; в ркп. Ты.

⁷ Мы. ⁸ Нет.

⁹ Ни бо.

¹⁰⁻¹¹ вся ина.

¹² ни.

Таков есть и Симеон, | его же днесь венчаем,
 и ему же праздник сей | честно совершаем.
 Прославльше убо сего | отца пречестнаго,
 небесна человека, | аггела земнаго,
 К тебе обращаемся, | яко соименну,
 и того же именем | честно почтенну.
 Зрим бо тя в вере крепка, | в житии избранна,
 чистотою прекрасна, | девством увечанна,
 В молитвах терпелива, | в бедствах благодарна,
 в разсуждениях мудра, | умом светозарна.
 Кто бо скорбящия ны | сладко утешает,
 кто горесть нашу в сладость | дивно прелагает.
 Кто возставляет падших, | крепит не стоящих,
 кто спящих возбуждает | и веселит бдящих?
 Не ты ли, Симеоне, | медвенный языче,
 им же сам действовати | святыи бог обыче?
 Обыче бо чрез тебе | сердца умягчати
 и всяку от душ наших | жестость отимати,
 Тобою помраченный ум | светло озаряет
 и каменное сердце | в елей претворяет,
 Тобою вещает нам | спасения слово,
 и, обновль мехи ветхи, | вино лиет ново.
 Тем же славим господа, | тебе нам подавша
 и, яко светильника, | светла показавша.
 Желаем же ти лет мног, | живота благаго,
 мудрости всех сокровищ, | языка златаго,
 Восхода на вышшая | высокоя славы,
 на умныя же враги | крепкия державы.
 Да будеши нам стена | и покров крепчайший,
 златоуструйная река, | источник сладчайший,
 Предивных учителей | дивный подражатель,
 перкви ограждение, | душам же питатель.
 Да и мы злополучни | в сие скорбное время
 весело нести тщимся | Иисусово бремя.
 Да будем в добрых делах | бодр и тцаливи,
 в заключениих крепцы, | в бедах терпеливи.
 Сие же не инако | прибыти нам может,
 точию аще свыше | сам господь поможет,
 Аще уста мудрости | пребудут учаща,
 честно наказующа, | сладко же претяща.
 Таковых же уст ныне | многи ли есть с нами?
 Изчисляюще тая, | удобь грешим сами.
 По притчи двоя-троя, | и се погрешихом,
 аще ли пять или шесть, | в числех заблудихом.
 Понеже дощи Сионя | сень есть в винограде,
 и овощей хранило | в пустом вертограде,
 Иде же грозды взяты, | яблоки убраны,
 ягоды изнесены, | останки попраны,
 Иде же скотом пажить | и ино ничтоже.
 Такова ныне церковь, | грех бо превозможе.
 Христос, господь тоя, спит, | и стражи усюпа,
 не свиряют пастыри, | и волцы внидоша.
 Ограда разорена, | стадо расточися,
 умолкоша свирели, | и зверь разъярися.

Но, о пастырю благий, | вскую долго спиши,
 востани, все сладчайший, | и молву утиши.
 Розжени злыя волки, | спаси свое стадо,
 ужасшеся зверей, | зане младо.
 Введи в горню ограду, | причти со овцами,
 их же мы именуем | святыми отцами.
 Ты же, имянинниче, | пособствуй Иисусу
 и, елико можеши, | возбраняй искусу,
 Восприемли свирели | и свиряй всекрасно,
 оглашая овчата, | зовый велегласно,
 На путь в небо ведущий | стадо управляя
 и в тамошня двory | мудро наставляя.
 Буди же здрав, отче, | здрав на многа лета
 и по временней жизни | зритель вечнаго света.
 Аминь.

Послание Гавриле — Илии Семенову

ГПБ, О.ХV.15, лл. 37 об.—40.

Что таково принесу аз, недоуменный,
 един от поселянов, невежда последний,
 Словесных улишенный имений богатых,
 твоему высокому толико превзятых,
 Небесных изобилну зело дарованьи,
 ездящу презрядно духа благодатьми,
 Иже коль далечайши местом отстояшу,
 шары изрядны любве толь в нас вогнездышу.
 Егда желавшему приязньства толико
 многими извещеньми явившу елико,
 Убо воспалени мы сицевыми
 грубословии же зело худыми,
 Оный долг намерени тцанно воздати,
 сладчайшыя любве свет просияти,
 Перстную в чернило трость омокаем,
 о, коль усердно се предлагаем.
 Добраго тя добре грубыми слоги
 изрядно целуем без всякой споны.
 Наипаче оное творим сердечне,
 удобно любовная храним вечне.
 Иное бо что не можем явити,
 любве залогии токмо предложити.
 Иисус преблагий во своем законе
 изрядно рече во евангельском слове
 (Сими о Вас вси преславно узнают,
 егда любовь в Вас пресладку познают):
 Моих ученик есть таковый залог,
 еже меж себе содержать любовь,
 Ниже бо что есть сей подобно,
 о бы вселило в небо пренподобно.
 Вселюбовно тем пишу ти во кратце,
 истинное теплоты объявляю сладце,
 Чело, сердце желанно и много единаче
 убогий низоземно докляная паче.
 Зря тя, желаю быти

доброполучно пожити
 Радостию растворена,
 а не скорбми согнетена,
 Веселием пребогата,
 спасением не превзята,
 Тецы с надеждею в небо,
 восходы добры прелепо,
 У бога в десных, о, буди
 и нас, смиренных, не забуди.

Послание М. И.

ГПБ, О.XV.15, лл. 42 об.—45 об.

Превосходительному и премудростию украшенному г-[осподи]ну^а нашему премилостивому государю М. И. мира, здравия, спасения всеусердно желаем и господа бога о сем молим и всепокорно благодарно челом бьем.

Не вемы, како можем тя благодарити,
 нашего государя должно ублажити.
 Сладчайшая вас милость вельми понуждает,
 к премудрому же наша грубость воспящает.
 За толикую милость усердно желаем
 должно же воздати, како не смогаем.
 Обаче на щедроты уповаем ваши,
 рифмы благодарствено приношаем наши.
 Бог всещедрый, украшей небо се звездами,
 грады мудрощедрыми в правде господами,
 Ясными планитами землю просвещает,
 премудрыми в милости люди ущедряет.
 Таковии патроны, народная радость,
 и всем нам, беззаступным, предивная сладость,
 О кних уста всяка гласят благодарно,
 беспомощнии бога молят всежеланно.
 Тебе же, государя, вещи возвещают
 премудра, милосерда повсюду глашают,
 Мудро утешающа в скорбех печальных,
 тепло заступающа в напасти отданных.
 Ты, пресветлеиший, дворец дивно утешаешь,
 премудростная струи тамо изливаешь.
 Ты за пребедныя ны заступаешь люди,
 милость твоя пред богом незабвена буди.
 Бисер сий предражайший кому есть не угоден,
 ты же наш вседражайший всякому угоден.
 Коль красносияюще злато озаряет,
 ваше же премудрое зарнее сияет.
 Мироуханный сосуд толь благоуханен,
 ты же заступлением коль сладкодыханен.
 Медовна убо сладость много услаждает,
 ваша же коль премудрость щедро утешает.
 Чесо ради славная лица похваляют,
 беззаступнии люди тебе ублажают,
 Богородно призрени бога за тя молят,
 пустынный вертепи повыну так волят.

^а В ркп. дважды.

Старицы, сиротины всегда то имеют,
 слышаще заступника, в молитвах говеют,
 Кричат затыгло, вопят, оплатить не могут,
 за вашу благодать бога молить всегда могут.
 Молят бедницы бога в слезах всежеланно,
 да учинит в сем в мире житие отраднo.
 О ея величестве молятся прилежно,
 мать милосердную помнят необежно,
 Молити о державе ея всегда рады,
 ждуть от ея светлости теплышиа отрады.
 Сюду и сюду зряще, в молитвах говеют,
 когда милости ветри о сих к нам повеют.
 Ты же убо, дражайший в человецех,
 услыши молящихся плачевно в сем веце,
 Заступи за бедныа сице сиротины,
 да не постраждут тако в бедственны години.
 Воздаст же ти за милость бог сице всещедрый
 в нынешнем и будущем, господь милосердый,
 Да умножит же тебе благочестна лета,
 да сподобишия в небе превечнаго света.

Вашего превосходительнаго благородия, многомилостиваго нашего
 государя всеокорнейшии слуги выгопустыннии жители.

Предисловие Михаила Вышатины к «Бисеру драгоценному»

Основной текст: ИРЛИ, колл. Перетца, № 452, лл. 17—18 об.

Разночтения: ИРЛИ, колл. Перетца, № 389 . . . . . А.
 ГПБ, О.1.275 . . . . . Б.

Стихи или вирши к читателю

Всякаго чина православный читателю,
 господу богу благодарение воздай яко благодателю,
 Яко сподоби на последок летом
 познати волю его со благим ответом.
 Бог, не имейй начала и конца,
 той видимаа и невидимаа созда,
 Той землю и яже на ней сотвори
 и човекови та вся покори,
 Той Денницу¹ ангела сотвори,
 но сей гордынею диавола себе учини.
 Бог Адама в райская места введе,
 той же преслушанием заповеди рая² отпаде.
 Царство Адамля греха на всех человеках умножися,
 пришествием же³ Христовым весьма уничтожися.
 Диявол на 1000 лет в бездне связася,
 тысящу же неопредельное число показася.
 Евангельская проповедь егда окончася,
 тогда диаволе действо паки явися.
 Римляне от святых восточных церкве отступиха,
 к ним же несмыслении юниты⁴ себе уклониша.
 От того отступления церковь святая христиан
 обороняет,

¹ десницу Б.   ² Доб. светлости А.   ³ Нет Б.   ⁴ униты А; юности Б.

потом же о российском отступлении порицает.
Слово же божие ни в чем изменяется,
тем же ⁵ пророчество сие ⁶ делом исполняется.
Никон бо ⁷ патриарх с восточными новости ⁸ учиниша,
чесо ради православную веру они превратиша.
За сия их новости на них святыя клятвы запреща-
тельны,

на не покаявшихся от них во веки не отъятельны.

Суть бо иже клятвы сия презирают,
за что еретиками себе учиняют.

Их же ⁹ святая церковь прокля ¹⁰,
тии не избудут вечныя тля ¹¹.

А кто их новопредание не принимает,
тех церковь святая вельми похваляет.

Кто ся злых пастырей отлучает,
той и царство небесное получает.

Но слепцы сии новотворчеством своим хвалятся,
увы, яко послежде во аде всуе начнут каяться.

Хвалящихся в новопредаии святая церковь обличает
и от избранного стада за сие отлучает.

Еретицы мучением христиан ¹² умучают ¹³,
терпением же христиане ¹⁴ царство небесное ¹⁵
улучают ¹⁶

Нрав же мучительства Христу не согласен
и святым его зело разгласен.

¹⁷ Нам же с еретики ясти не подобает,
за что ядущей с ними под клятву себе полагают ¹⁸.

Молитися с еретики святии запрещаю
и причащающихся от них от Христа ¹⁹ отлучают.

Не достойных же причащати вельми неправо,
за сие от святых запрещение есть немало.

Церковь святая есть ²⁰ христианская вера,
чесо ради у еретиков в церквах суть неправая дела.

Церковь Христова с церковью еретического проказства
имеют с собою великия разньства.

Антихрист родится от блудницы скверно
и естеством человек будет, сие достоверно.

Антихристов приход по сатанину действу,
за что все дела его подлежат бездельству.

Тии ²¹ бо ²² едины от него прельстятся,
котории писанием святым не утвердятся.

Антихрист пред собою лжепророка ²³ употребит ²⁴,
той ²⁵ же чудеса многи лжею сотворит.

Ветхий Рим лестию взяти кто ухитрит,
той без сомнения нарицается последний антихрист.

Всякому лицемерству егда антихрист коснется,
тогда Енох, и Илия, и Иоанн от бога послуется.

Егда антихрист вселенней будет обладатель,
тогда явится на бога хулы тощный полагатель.

⁵⁻⁶ сие пророчество *Б.*   ⁷ *Нет Б.*   ⁸ новостями *Б.*   ⁹⁻¹⁰ бо церковь святая
АБ.   ¹¹ тая *АБ.*   ¹² христианским *Б.*   ¹³ *Нет Б.*   ¹⁴⁻¹⁶ царствием *Б.*
¹⁵ *Нет А.*   ¹⁷⁻¹⁸ *Нет Б.*   ¹⁹ храма *Б.*   ²⁰ *Нет Б.*   ²¹ Сия *А.*   ²² же *Б.*
²³ лжепророки *А.*   ²⁴ утвердит *Б.*   ²⁵ лжепророк *А.*

Глад же велий в царство его во всей земле будет,
и от²⁶ скорби тоя множество зверей на человеки
изыдет.

Антихрист крестом христовым человеку²⁷ не велит
ограждати
и на отвергших крест святыи скверную свою печать
начнет полагати,

Не приемшим печать его зельный будет мучитель.

Но бог сим всегдашний есть подкрепитель.

Печатлении от антихриста в царство божие не
приемлются.

но со антихристом вечною мукою объемятся.

Антихрист на взыскание скрывшихся слуг своих
послет,

но бог невидимо сих укрыти хочет.

Антихристова царства будет точию полчетверта
лета,

потом же — скончание сего света.

Больше о сем недоумею, ни же дерзаю писати,

инии бо о сем множае могут и лучше сказати.

Хотех бо и ино языком вещати,

страха же ради благоволих сие в уме содержати.

В сие время лютое и плача достойное

ужасается, сие зря, сердце богобойное,

Яких много супостатов и хищных²⁸ волков,
бесовских насаждений²⁹, еретических полков.

Тем, аще хочещи правую веру познати,

советую ти божественному писанию внимати.

³⁰ В том бо положи бог сокровища благая,

открывает же правды стези своя драгая³¹.

Древнее святых отец предание право суть в русском
народе,

его же светлость сияет во многопрелестной невзгоде.

Слово бо божие ни в чесом применяется,

правоверие же между зловерием просвещается.

Древних святых пастырей предание³² яко солнце
сияет

и благоустроенными действы блистает.

Нынешних же яко тьма нощи,

разумети древо по его овощи.

Сего ради zde открыся истинная радость,

всесветлых писаний неизглаголанная сладость.

Аще хочещи в правоверии Христу угодити,

потщися без разленения сия проходити.

Вечный и всеильный боже³³ всякоя благодати,

благоволи нам, недостойным, сие даровати,

Да правоверие светло распространится,

зловерие же всяко вечно да посрамится.

Православное предание да пребывает на многая лета,

да не оскудеет истинна твоя до скончания света,

²⁶ со А. ²⁷ Доб. ся АБ. ²⁸ хищников Б. ²⁹ нововведений АБ. ³⁰⁻³¹ Нет Б.
³² правда Б. ³³ Нет Б.

В день же страшный сподоби нас одесную тебе стати
и со святыми ангелы твоими во веки тебе прославляти.

Рифмы воспоминательны о еклезиарсе Выгорецкого
общежительства Петре Прокопиевиче всего жития его.

Святят Выгорецки церкви мысленныя,
церквоархи же в них благомысленныя.
И первым бысть Петр нарицаемый,
всяка блага зело исполняемый.
Зане отрочески мирских отвергнувшись,
осямьнадесят токмо лет достигнувшись.

ИРЛИ, Древлехранилище, Усть-Цилемское собр., № 103, л. 1 об.